

łac.	łaciński
pol.	польский
scs	staro-cerkiewno-słowiański
suf.	sufiks
wsł.	wschodniosłowiański

Literatura

1. Charkiewicz, J. *Kult świętych w Kościele prawosławnym. Teologia. Historia. Formy. Typologia.* Warszawska Metropolia Prawosławna, Warszawa, 2015.
2. *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu.* Biblia Tysiąclecia, Wydanie IV, Wydawnictwo Pallotinum, Poznań, 1991.
3. *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.* Российское Библейское Общество, Москва, 1998.

Е.Н. Бекасова

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»

e-mail: bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1'373

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕОФИЦИАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА

Ключевые слова: *ономастика, антропонимикон, антропонимическая система, номенклатура прозвищ, антропонимический ареал.*

Сравнительный анализ номенклатуры городских и сельских прозвищ показывает значительные расхождения, которые обусловлены не только социально, но и территориально. При этом неофициальные ономастиконы сельских жителей представляют несколько антропонимических систем, в той или иной степени включающих подсистемы уличных прозвищ, диалектных антропонимов и типичных антропонимических моделей данной местности, что требует обязательного учёта территориального фактора в исследовании прозвищ.

E.N. Bekasova

Federal state educational institution of the higher education
«The Orenburg state pedagogical university»

FEATURES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF INFORMAL ANTROPONIMIKON

Key words: *onomastics, антропонимикон, antroponimicheskyy system, nomenclature of nicknames, antroponimicheskyy area.*

The comparative analysis of the nomenclature of city and rural nicknames shows considerable divergences which are caused not only socially, but also territorially. At the same time informal onomastikona of villagers represent several antroponimicheskikh of the systems in a varying degree including subsystems of street nicknames, dialect antroponym and typical antroponimicheskyy models of this area that demands obligatory accounting of a territorial factor in a research of nicknames.

Исследование систем неофициальных антропонимов Оренбургской области даёт основание считать, что особенности их функционирования, мотивации и номенклатуры имеют достаточно отчётливые территориальные различия. Безусловно, социальный аспект является более действенным в формировании системы неофициального антропонимикона. Однако нередко именно территориальный фактор обуславливает специфику социума, что отчётливо проявляется при сопоставлении реестра прозвищ города и села. Именно в сельской местности складывается достаточно устойчивое сообщество, осведомлённое о всех подробностях жизни каждого односельчанина, о характере человека и истории его семьи, что и позволяет выдавать ему тот «пашпорт на вечную носку», который пойдёт прозванному «в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» [6, 108–109].

Именно это обуславливает и более глубокую мотивацию сельских прозвищ по сравнению с городскими, где сменность коллективов и отсутствие полных сведений о личной жизни человека и его родственников не всегда позволяет, по определению Н.В. Гоголя, «влепить» прозвище, где «одной чертой обрисован ты с ног до головы!» [6, 109]. В этом плане показательны сопоставления городских / сельских прозвищ типа *Заяц* – мужчина, который любит слушать всякие разговоры, сплетни / *Заяц* – от фамилии Зайцев или за крупные, выступающие зубы; *Ваучер* – парень, который по определению респондентов, «никому не нужен» / *Ваучер* – от фамилии Ворчелов и под.

Для сельской местности также характерны так называемые уличные или семейные прозвища, складывающиеся на протяжении длительного существования населённого пункта, из-за сильнейших миграционных процессов в Оренбуржье свойственных только отдельным сельским поселениям, которые смогли выстоять в сложных условиях сокращения населения или смены его этнического состава. В частности, так выстраивается система прозвищ жителей двухсотлетнего села Городище, заселённого выходцами Воронежской губернии, записавшимися в оренбургские казаки. В антропонимиконе сохраняются старинные уличные прозвища, которые с появлением значительного количества «однофамильцев», получают дополнительные наименования или распадаются на отдельные прибавочные имена, которые нередко помечаются карандашом в зарплатных ведомостях при наличии полных тёзок, например: два из трёх Завалишиных Александров Ивановичей имеют прозвища – *Корней*, *Мелея*; три из четырёх Рязановых В.И. – *Кузенья*, *Самовар*, *Сокол*, Тулинцевы В.И. различаются как *Васян*, *Хатёк*, *Хромой*, соответственно их дети и внуки определяются по прозвищам – *Корнеевы*, *Мелеи*, *Кузени* и т.п. Как и сейчас, так и раньше такие прозвища чаще всего восходят к имени или прозвищу основателя рода или к разным этапам территориального деления села (*Востоковские*, *Угляне*, *Куток*; *Кировские*, *Октябрьские*) [3, 293–294]. Такое выстраивание антропонимического пространства определяет особое отношение к прозвищу – оно, как правило, лишено свойственных привычному прозвищному реестру коннотаций, поскольку городищенцы воспринимают свои прозвища как имена, соединяющие их с предками, которых чтят и помнят. Такое знание собственной родословной, нередко связанной с большинством жителей Городища, позволяет сохранять и общее прозвище *Чинёнки* (за умение готовить большие пироги, начинённые пареной тыквой), которое также воспринимается как общее достояние.

В других населённых пунктах Оренбургской области уличные прозвища отсутствуют или представлены единичными случаями, как правило, разграничивающими семьи однофамильцев по прозвищу их предков (дедов и прадедов) типа *Петряи*, *Рыжие*, *Чайники* (Болдыревы) и под. Некоторые деревенские прозвища по-прежнему сильнее

официальных: например, носительница прозвища *Малашикина* имела в жизни три юридические фамилии – девичью и две от длительных супружеских браков, но известна всем исключительно по уличной. В этом же селе Городки Тюльганского района зафиксирован случай фиксации уличного прозвища в качестве официальной фамилии у Варвары Мешковой (1898 г.р.), получившей в 1952 г. свидетельство о рождении с фамилией Потапова, под которой также были указаны её родители (Мешковы), известные жителям по основателю рода – деду Потапу.

Однако для большинства сельских населённых пунктов такая система прозвищ является исключением, при этом она может характеризоваться определёнными, нередко свойственными только данной местности особенностями организации. Так, в селе Сергиевка Первомайского района, несмотря на то, что оно было основано в 1852 г., отсутствуют уличные фамилии, а номенклатура прозвищ в основном представлена зооморфным кодом (более 100 наименований, что составляет 36% выявленных прозвищ), чаще всего традиционного плана, например: *Ворона* (рассеянный), *Коза* (активный и подвижный); *Муравей* (трудолюбивый и упорный), *Страусиха* (крупная и длинноногая девочка), *Баран* (простоватый), *Ежик* (по короткой стрижке), *Утка*, *Куропатка* (с излишней массой тела), *Рыба* (равнодушный), *Лошадь* (с тяжёлой походкой), *Обезьяна* (суетливый, с подвижной мимикой) и пр. Вторая по численности группа (30%) представляет типичные физиологические характеристики человека: *Желоб*, *Столб*, *Шланг*, *Шнур*, *Мосол*, *Оглобля* (высокий и худой), *Беляш*, *Пельмень*, *Пончик*, *Мант*, *Жбан*, *Стенка* (невысокий и полный), *Ликёр*, *Туманчик*, *Торчок*, *Колесо*, *Шприц*, *Синяк*, *Косяк* (любители выпить) и под. Надо отметить, что подобные прозвища можно рассматривать как «генеративные модели», «по которым они активно производятся на всем современном языковом пространстве. Они имеют много общего, даже тождественного, что особенно рельефно отражается в семантических моделях соответствующих наименований» [5, 58]. Кроме того, концептуальные признаки, лежащие в основе данных прозвищ, достаточно поверхностны, поскольку выделяют какую-либо внешнюю черту жителя Сергиевки и вследствие этого в массе своей являются отрицательными и в какой-то степени скрытыми от их носителей, в отличие от уличных фамилий, которые настолько распространены, что дети узнают свою официальную фамилию, когда начинают учиться в 1 классе.

Однако такой «стёртый» реестр прозвищ, свойственный обычно для школьных прозвищ-дразнилок, не является типичным для сельского населения, где имеется множество прозвищ, которые можно рассматривать как особый этнокультурный феномен [1], где задействованы весьма сложные механизмы словотворчества и этимологической рефлексии [4], более разнообразные в плане использования ресурсов русского языка, нежели в городской среде.

Для сельского населения также характерны прозвища диалектного происхождения, несмотря на то, что в Оренбургском крае за последние сто лет были практически полностью разрушены те системы вторичных говоров, которые складывались в XVIII–XIX вв. в результате активного переселения выходцев из 20 российских губерний. Именно в прозвищах нередко сохраняются рудименты прежних лексических систем материнских говоров, сохранённых на территории Оренбуржья *Лямза* – «мужчина маленького роста, пристающий с расспросами и разговорами» (от *лямзиться* – напрашиваться на дружбу, подлаживаться к кому-либо с корыстными целями (Ср. Урал, Зауралье) [7, 245]), *Марьюха* – «плохо слышащая женщина» (от *марьюха* – самка тетерева-косача (арх., холмог., пинеж.) [7, 379]) и др. Возможны и образования тюркского происхождения типа *куян* и *аскар*, которые имеют достаточно прозрачную семантику для жителей определённых территорий.

В целом, можно считать, что в городских прозвищах достаточно чётко прослеживаются типичные структурные и мотивационные модели, что связано с экспансией рус-

ского литературного языка, нередко в его медийном формате. Прозвища нередко возникают в результате языковой игры и ради этой игры, которая становится характерной чертой современной «городской» культуры. Ономастикон жителей сельской местности сохраняет свою важную номинативную функцию «придаточного» имени, с одной стороны, скрепляющего человека с определённым сообществом, а с другой, – глубоко дифференцирующего суть отдельного человека. При этом расхождения неофициального ономастикона определяется не только социально, но и территориально обусловленными в зависимости от сохранности диалектной составляющей, контактов с другими этносами, сохранения традиций именования в определённой местности и др. [2], что требует конкретного территориального описания систем сельских прозвищ и выявления антропонимических ареалов и универсалий антропонимических систем.

Литература

1. Бекасова, Е. Н. Лексикографический потенциал прозвищ как этнокультурного феномена / Е. Н. Бекасова // Проблемы истории, филологии, культуры», 2014. – № 3. – С. 164–166.
2. Бекасова, Е. Н. Региональный словарь неофициальной ономастики / Е. Н. Бекасова // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. матер. междунар. науч. конф. «Современные проблемы лексикографии», Минск, 23–24 ноября 2017 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. Культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа ; редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2017. – Вып. 15. – С. 198–202.
3. Бекасова, Е. Н. Русские прозвища как отражение ментальности / Е. Н. Бекасова // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений : X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. : в 3 т. – СПб., 2003. – Т. 3. – С. 293–303.
4. Бекасова, Е. Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера / Е. Н. Бекасова // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2013. – Вып. 3(22). – С. 5–12.
5. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Русские прозвища как объект лексикографии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 52–69.
6. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Том первый / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений : в 14 т. – М. ; Л. : АН СССР, 1951. – Т. 6. – 923 с.
7. Словарь русских народных говоров. – Вып. 17. Леснокаменный – Масленичать. – Л. : Наука, 1981. – 384 с.

Н.Я. Бияк

Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка
e-mail: byna@ukr.net

Л.И. Вергун

Тернопольский национальный экономический университет
e-mail: laryssa_verhun@bigmir.net

УДК 811.112.2'373.23

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПРОЗВИЩАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Ключевые слова: *антропоним, прозвище, имятворчество, мотивация, экспрессивные прозвища.*